

Писатель и его герои

ИСПЫТАНИЕ ПЛАМЕННЫХ СЕРДЕЦ

«У ВАС есть все для истинного писателя... Вы целиком и полностью наш советский писатель... Но есть одна опасность — в этой повести все люди хорошие...». Так отозвался о дипломном сочинении ныне известного азербайджанского прозаика Исы Гусейнова наставник по Литературному институту им. М. Горького Константин Паустовский. А несколько позднее Александр Фадеев поставил повести Исы Гусейнова «Наши девушки» и «Утренняя звезда» в ряд произведений С. Залыгина, Е. Дороща, С. Муканова, Г. Троепольского, которые «отличаются правдивым изображением колхозной жизни, не замалчивают трудности» и дают портреты людей колхозной деревни; «хороших и плохих, находящихся в становлении». Правда, не поднятых, уточнял А. Фадеев, «до больших характеров».

Да, «Утренняя звезда», при всей своей романтичности, уже не вызвала опасений в невинности к трудностям, конфликтам. И хотя в решении их еще не было той всесторонней мудрой, художественной позиции, без которой немислимы крупные характеры, но есть уже в этой повести тетушка Эсмер. Какая у нее энергия неприязни порока! Незабываем эпизод, когда Эсмер не позволяет шкурнику Шамистану нести гроб с телом ее мужа, славного рыцаря бескорыстного труда...

В дальнейшем у писателя выстроится целая галерея героев — партработник Самед Амирли, журналист Зелимхан, кузнец Исфаендиар и фельдшер Хаджи, юные сельчане Таптык и Нури, лесничий Коллу Коха — прекрасные люди, испытываемые жизнью сурово и бескомпромиссно. Испытания эти, выпадающие на долю каждого из них, настолько трудны, что вызывают тревогу: а выдержат ли они?.. И вот уже некоторые

критики делают молодому писателю упрек в слабости, недостаточной активности положительных героев. И относился он прежде всего к Самеду Амирли из романа «Пламенное сердце». Вернувшись в район после окончания партшколы, он попадает в водоворот ошеломляющих событий, раскрывающих острейший социально-нравственный конфликт. Дядя Самеда, Султан Амирли, секретарь райкома, предстает человеком с недоброй славой деспота и самодура. На молодого человека обрушиваются все новые и новые факты, свидетельствуя о падении почитаемого родственника. Довершает удар весть о женитьбе седовласого Султана на юной, любимой Самедом Гюльгяз.

Самед Амирли потрясен. Его страдания тем мучительнее, что дядя заменял ему отца. Родная кровь!.. Крушение веры в человека, из рук которого он примет путевку в жизнь, да еще партийного руководителя, вызывает у обескураженного молодого Амирли затормаживание воли, заставляет его погрузиться в глубины раздумий. Ни читатель, ни сам автор в этот момент еще не знают, — сила это или слабость. Самоочевидно только то, что писатель желает силы своему герою; но и понимает, что, только пройдя через испытание, можно стать истинным бойцом и строителем новой жизни, только так могут сформироваться столь необходимые человеку волевые и нравственные качества. В этом проявляется особая напряженность духовный драматизм творчества Исы Гусейнова.

Характерное для его героев самоуглубление во время разгара конфликта — лишь затихшие перед бурей, когда дружина воли сжимается во все более созриваемой и осознаваемой готовности к распрямлению, рынку... Это один из моментов характерного для творчества Исы Гусейнова психологизма

как средства распознавания способности героя к борьбе за жизнь, достойную современника. Ведь современник для Исы Гусейнова, как и других писателей его поколения, — это сверстник, переживший войну и вынесший ее тяготы на своих неслыханных, казалось бы, совсем еще мальчишеских плечах. Читая повесть «Звук свирели», «Саз», понимаешь, что в их героях, «пятнадцатилетних мужичинах» сурового лихолетья, Иса Гусейнов ищет исток, нравственную закуску характеров тех своих персонажей, которые живут уже в послевоенное время, в наши дни. Со свойственной им необычайной чуткостью ко времени, его нуждам и заботам...

Например, гибель сказочной дубовой рощи, где обитали необыкновенные светлорылые голуби, Зелимхан (повесть «Телеграмма») переживает, как личную трагедию. Виновики зряшной вырубке лесов для Зелимхана — варвары, пираты, пускающие на дно белые корабли с алыми парусами, на которых — держать путь в лучшее, сказочное будущее. Человек нежнейшей души, он наливается металлом, железной решимостью действовать. Осознание необходимости борьбы с недругами родной природы как своей кровной жизненной задачи, вызывает в нем особую активность. И в этом смысле он сродни герою «Пламенного сердца».

Иса Гусейнов — писатель неожиданных открытий. Впечатление психологически крутых, резких поворотов и решений в поступках его героев возникает оттого, что они, эти герои, натуры чувствительные, в необходимую минуту делают свой бескомпромиссный выбор, обнаруживая сильный, недюжинный характер.

Исе Гусейнову (и нам, его читателям!) бесконечно дорога в его героях незыблемость сокровенных нравственных основ. Тем более, что он отнюдь не исключает возможности ошеломляющих метаморфоз: «Что стало с человеком?..». Такие случаи нельзя упускать из виду,

попустительствовать им! Из такого убеждения, видимо, и возникла повесть «Сухая ветвь», где мы вновь встречаемся с уже знакомым по «Звуку свирели» Нури и... не узнаем его. Уже тридцатилетний, он утерял свой былой священный максимализм, благодушествует, сквозь пальцы глядя на орунующего у него под боком проходивца...

Обращение то к мирным, то к военным годам, «переключки» юности и зрелости героев, вчерашнего и сегодняшнего дня, — многое у Исы Гусейнова говорит об убежденности в том, что испытание войной — великое испытание, но миром — не менее значительное, ответственно-взыскательное. Есть свой особый смысл в такой проверке без всяких скидок на чрезвычайные обстоятельства. Проверка мирными трудовыми буднями, самой обычной и привычной повседневностью. В этих буднях растут и мужают герои Исы Гусейнова.

«Мой положительный герой! Мой, если хотите, идеальный герой...» — меня поразило, с каким полемическим запалом Иса Гусейнов прибегнул однажды в нашей беседе к этой терминологии, которой прежде явно избегал... Интересно, как «нетерпение» писателя в поиске такого героя вызывает порой «вдруг» в типичном для пера Исы Гусейнова строго реалистическом неторопликом течении появления жанровых «быстрин» с легендарно-сказочным (при всей своей жизненности) героем на гребне. Такова, например, повесть «Коллу Коха». Ее главный герой любит давать меткие клички, свято веря в то, что они магически усоряют осознание человеком своих недостатков. И верно — «знатный» пенсионер Гурбан, которого Коллу окрестил Подряд-Гурбаном за то, что он согласился на «подряд» (т. е. шефство над колхозом) и позволил руководству этого колхоза прикрывать своим именем их бездельность, вскоре начинает понимать, что всякие «шефства», основанные на дутых авторитетах, приводят лишь к обезличиванию людей, зажиму инициативы, показухе.

Расширение границ испытания героя наряду с расширением «горизонтов современности» — явная тенденция в творчестве Исы Гусейнова последних лет. Все отчетливее пройденные исторические годы выявляются им, как наша советская революционная современность. («Без такого мироощущения сегодня писать невозможно», — сказал мне писатель.) Свидетельство тому — все возрастающий интерес Исы Гусейнова к проблемам «отцов и детей», эстафеты поколений как единой темы — генезиса современного характера. В этом русле создаются им сценарии фильмов «Звезды не гаснут», «26 бакинских комиссаров». Они логически продолжают прозу Исы Гусейнова. Герои военных и послевоенных лет, Самед Амирли, Рашид, Таптык, Нури, Зелимхан и другие — словно бы вглядываются в солдат и вожаков революции — Наримана Нариманова, бакинских комиссаров, как в свой нравственный исток.

К образам Имадеддина Насими, великого поэта средневекового Востока, и его учителя, философа Фазлуллаха Наими, возглавившего освободительное, против иноземных завоевателей, движение хуруфитов, обращается Иса Гусейнов в сценарии фильма «Насими», затем в историческом романе «Судный день» (фильм премирован на всесоюзном кинофестивале, с успехом демонстрировался на экранах тридцати с лишним зарубежных стран). Роман, опубликованный в журнале «Азербайджан», ныне в переводе на русский язык готовится к выпуску в издательстве «Советский писатель». В нем, как и в киносценарии, делается смелая попытка с позиций нашего времени заглянуть в столь далекую от нас эпоху и найти в ней героя, родственного нам по духу. Как современник сходит со страниц романа древний азербайджанский поэт, заклеймивший насилие, тиранию, войны, восславивший человека — Творца и Труженика.

Написан и новый сценарий — о Низами Гянджеви. (Фильм снимает режиссер Эльдар Кулиев).

...Во времена не столь давние и в седую древность уводит, но и каждый раз неизменно возвращает нас к самим себе испытания героев Исы Гусейнова — пламенных сердец. Испытание по большому счету, в широких горизонтах современности.

В. БОГУСЛАВСКИЙ.